

После вчерашнего возвращения с горы Линшань настроение Цзин Шуй значительно улучшилось, это не было похоже на те два дня, когда она не ела и не спала, а только сидела, глядя перед собой пустым взглядом. Она больше не избегала встреч с Ци Жуюем, когда он приходил, и даже иногда могла поболтать и посмеяться с ним. Это заставляло Ци Жуюя чувствовать себя очень счастливым, и он постоянно расспрашивал Мужун Шу Цин о том, что она сказала Цзин Шуй, как помогла ей принять ситуацию и двигаться дальше.

Мужун Шу Цин лишь слабо улыбалась, ничего не говоря. На самом деле это Цзин Шуй была тронута этой пожилой парой, их внешность, присущая преклонным годам, и зависимость друг от друга, когда они шли, заставили ее понять, что такое любовь. Несмотря на то, что барьер между ней и Ци Жуюем по-прежнему существовал, но их счастье, казалось, стало на один шаг ближе.

Глядя в глаза двух людей, которые выражали полную привязанность друг к другу, окруженные приятной атмосферой, Мужун Шу Цин улыбнулась и тайком покинула тихий маленький дворик.

Она снова прошла через лес фиговых деревьев, чтобы добраться до сливового леса, и залюбовалась потрясающим пейзажем. Прошло всего 3-4 дня, но лес заметно изменился, наполнившись яркими цветами сливы, которые только-только начали цвести. Глядя вдаль, казалось, что там было то же самое красное облако, неужели была уже середина зимы? На земле не было снега, и красный цвет безрассудно заполнил собою всё пространство, с гордой осанкой, деревья, казалось, объявляли войну холодному ветру и позднему приходу снега.

Сначала она думала, что этот двор, наполненный темно-красным цветом, скроет его высокомерную красочную ауру, но она ошиблась, ветер свободно развеивал красную одежду, его черные волосы отчаянно танцевали, заставляя Чу Иня выглядеть еще более надменным и элегантным в этих цветах сливы. Его отчужденная личность была похожа на тело смертного, но его сердце, казалось, находилось где-то далеко.

Мужун Шу Цин медленно шагала, пока не оказалась позади него, и просто тихо встала, не желая нарушать эту прекрасную сцену. Но как раз в этот момент ясный и легкий голос Чу Иня, в котором слышалась улыбка, провозгласил: «Давно не виделись».

Разве давно? Это было всего три дня назад. Мужун Шу Цин с улыбкой ответила: «Ах да, давно не виделись».

Чу Инь повернулся всем телом, и его черные волосы, которые не были связаны, поднялись красивой дугой. Мужун Шу Цин восхищенно вздохнула про себя. Красота должна быть именно такой. Независимо от того, какое движение вы делаете, оно будет преисполнено изящества и очарования, и не будет иметь ничего общего ни с полем, ни с личностью. Мужун Шу Цин с улыбкой смотрела на открывающийся вид, поэтому Чу Инь неосознанно поднял брови. Эта женщина была очень необычной. Когда она концентрировала свой взгляд, это не только не вызывало у людей отвращения к ней, но и на самом деле заставляло быть очарованным этим спокойным и беззаботным, как родниковая вода, взглядом.

- Ты пришла, потому что хотела сказать мне, что вы уже всё обсудили и не согласны делать эту процедуру. - После ее вопроса в прошлый раз, он уже догадался, что та девушка не поменяется лицом с другим человеком. Чу Инь прервал свои слова, и когда он снова начал говорить, на его лице появилось сдержанное улыбающееся выражение, и он сказал приглушенным и подавленным голосом: - Я могу помочь, но если ты хочешь, чтобы я уменьшил ее родимое пятно, ты должна пообещать мне одну вещь.

- Говорите же, - Мужун Шу Цин было несколько любопытно, чего же этот человек хотел от нее?

Чу Инь выудил из-за пазухи нефрит в форме веера. На него падал солнечный свет, поэтому он выглядел сверкающим и чистым, словно прозрачным. Слегка ударив по корпусу нефрита, он долго вертел его в руке и, наконец, тихо сказал: «Найди другую часть этого изысканного нефрита».

Глядя на то, как он им дорожил, раз всегда носил его с собой, этот нефрит, несомненно, имел для него особое значение. Мужун Шу Цин спросила: «Кроме этого, есть ли еще какая-нибудь зацепка?»

Услышав ее вопрос, Чу Инь перестал гладить нефрит и передал его Мужун Шу Цин. Потом Чу Инь развернулся и, глядя в сторону сливового леса, долго ничего не говорил.

Мужун Шу Цин видела его спину бесчисленное количество раз, ведь прежде чем войти в сливовый лес, она всегда смотрела ему в спину. Иногда он выглядел гордым и отчужденным, иногда благородным и добродетельным, иногда небрежным, иногда холодным и равнодушным, но никогда еще он не выглядел таким опустошенным, как сегодня. И перемена в его облике определенно делала человека неспособным повторять свои вопросы.

Мужун Шу Цин опустила голову, чтобы посмотреть на изысканный нефрит, который был зажат в ее руке. На поверхности нефрита был вырезан цветущий цветок сливы, причем работа по резьбе не отличалась особой тщательностью. Было несколько простых штрихов, выгравированных в совершенстве, чтобы показать духовность и непреклонный характер цветка сливы. Было видно, что человек, который вырезал его, безусловно, любил цветы сливы. Простая резьба, однако, имела свой собственный стиль. На другой стороне была вырезана пара маленьких букв: 'одинокий заяц-беляк [1], идущий на восток и присматривающий за западом'. В написании использовался энергичный и свободный стиль каллиграфии, стоящий особняком от привычных способов написания.

[1] заяц-беляк - обр. в знач.: а) луна; б) символ счастья, счастливое предзнаменование).

Поскольку его долго ласкали и гладили, поверхность нефрита стала мягкой и глянцевой. Держа его в руке, Мужун Шу Цин чувствовала легкий холодный воздух, своеобразное ощущение, чем-то напоминающее то, которое исходило от ее браслета. Но сейчас была середина зимы, поэтому она не могла быть уверена, что легкий холодный воздух на самом деле исходил от самого нефрита, или дело все-таки было в холодном ветре.

Чу Инь снова поднял голову, но все еще стоял к ней спиной, поэтому Мужун Шу Цин слегка вздохнула. Должно быть, он вырезал этот изысканный нефрит самостоятельно, потому что каждая линия на камне демонстрировала его личный стиль. И он всем сердцем хотел найти другую часть этого нефрита, так как «платье лучше всего новое, но друг - старый».

Небо постепенно темнело, и холодный ветер стал задувать еще яростнее, но в этом сливовом лесу, независимо от того, гордые ли цветы сливы или яркая фигура, стоявшая лицом к ветру, все они, казалось, хотели конкурировать с этим сильным проявлением стихии. Только Мужун Шу Цин, закутавшаяся в парчовый плащ, не могла вынести холодного ветра и слегка дрожала.

Как раз в тот момент, когда Мужун Шу Цин собралась уходить, Чу Инь, который долгое время сохранял безмолвие, наконец заговорил, но в его чистом голосе звучали холод и печаль: «Первоначальным владельцем нефрита была моя Шимэй [2], мать Мо Цаня. Она оставила мне лишь своё бездыханное тело и этого ребенка 20 лет назад».

[2] Шимэй - младшая соученица.

Чу Инь и она обучались у одного учителя, и их можно было считать возлюбленными детства. Он специализировался на практике пяти фаз искусства исцеления, а она изучала четыре искусства. Они всегда прекрасно ладили друг с другом, и следовало ожидать, что они станут парой. Но на самом деле она влюбилась в другого мужчину, поэтому он оставил ее в покое. Если бы она могла быть счастлива, у него не было бы никаких сожалений, но почему последние слова, которые она произнесла перед смертью, были адресованы ему? Она сказала, чтобы он берег себя и доверила ему заботу о своем сыне.

Чу Инь хотел найти того человека, который забрал ее, и человека, который убил ее, но прошло уже 20 лет, а он так и не смог отыскать ни единой зацепки. Даже та половинка из черного ледяного нефрита, которую подарил их Шифу, когда ей было десять лет, также исчезла в то же время 20 лет назад. Он предположил, что этот изысканный нефрит, который был известен в мире, мог быть связан с ее смертью, поэтому разыскивал его.

Несмотря на то, что она не могла видеть выражение его лица, Мужун Шу Цин могла почувствовать его боль. Как оказалось, между ним и Мо Цанем существовали такого рода отношения. Однако из-за этих отношений ему было еще тяжелее заботиться о Мо Цане. Ведь та женщиной была его любимой, а Мо Цань - ее ребенком от другого мужчины. Мужун Шу Цин не знала, было ли это для него своего рода страданием или нет.

Но такая важная вещь, как тот нефрит, Чу Инь, должно быть, искал ее не переставая, но не смог найти и по сей день. Тогда с чего ей начать поиски? Не имея выбора, Мужун Шу Цин тихо сказала: «Вы искали 20 лет и до сих пор не нашли эту вещь. Почему вы думаете, что я смогу ее найти?»

Он, казалось, немного устал, потому что молвил негромко: «Многое зависит от судьбы, просто потому, что я не могу ее найти, не значит, что и ты потерпишь неудачу». Действительно ли ему и ей не суждено иметь никакой связи? Он искал этот нефрит на протяжении двадцати лет, а

новостей так и не было.

Не в силах больше отказываться, Мужун Шу Цин прямо ответила: «Я буду стараться изо всех сил».

Шагая позади Чу Иня, Мужун Шу Цин хотела вернуть изысканный нефрит обратно, но Чу Инь не принял его. Эта пара завораживающих глаз внимательно смотрела вперед, казалось, что он смотрит на гордые цветы сливы неподалеку, но на самом деле он смотрел куда-то далеко-далеко. Наконец, Чу Инь тихо и равнодушно молвил: «Возьми это». Закончив говорить, он оставил ее одну.

Мужун Шу Цин непонимающе смотрела ему вслед, все еще стоя на прежнем месте. Разве это не было настоящим сокровищем, которое он лелеял в течение многих лет? Почему он, в конце концов, отдал ее ей? Падавшие лепестки сливового цветка, подхваченные холодным ветром, периодически пролетали рядом с Мужун Шу Цин. Она протянула руку, чтобы схватить один из них и, смяв его в ладони, растерла пальцами. Потом она слегка улыбнулась и покачала головой. Что касается этого долгоиграющего чувства, которое умерло, она все еще не понимала его, ах!

Зимние ночи никогда не выдавались особенно тихими, так как холодный ветер раздувал опавшие листья, и они издавали шуршащие звуки, да и дверь скрипела под напором ветра. Спавшая Мужун Шу Цин была разбужена таким вот шумом. Но, внимательно прислушавшись, она поняла, что звук у двери издавал не ветер, а кто-то на самом деле стучал в дверь. Но было уже очень поздно, кто бы это мог быть? Держа свое озадаченное чувство под контролем, Мужун Шу Цин спросила: «Кто это?»

- Госпожа, это я, - за дверью раздался холодный и твердый мужской голос. Это был Янь Юй, поэтому Мужун Шу Цин немедленно встала с кровати. Должно быть, случилось что-то важное, раз он пришел к ней в это время. Накинув тяжелый парчовый плащ, Мужун Шу Цин зажгла свечу и открыла Янь Юю дверь.

Благодаря свету свечи, которую она держала в руке, она могла видеть цвет лица Янь Юя, который был совсем нехорошим. Его лицо, которое обычно было решительным и холодным, теперь было искажено тревогой. Хотя у Янь Юя всегда было мрачное и безэмоциональное лицо, но такой торжественный и мрачный вид, как этот, был на самом деле довольно редок.

Как только он вошел в комнату, Мужун Шу Цин спросила: «Что случилось?» Янь Юй пришел, чтобы найти ее в это время, плюс его выражение лица не могло не вызвать у Мужун Шу Цин плохого предчувствия.

Янь Юй нахмурил брови и холодно сказал: «Армейские припасы в количестве 80 000 гран [3] зерна, которые Дунъюй отправил на границу Лин Фэн Гуань, были сожжены вчера рано утром».

[3] один гран равен 0,0648 г.

«Что?» - как и ожидалось, простое заявление Янь Юя подтвердило ее мысли, и она чуть не выронила свечу, которую держала в руке.

<http://tl.rulate.ru/book/11038/1614970>